

Воскобойникова Людмила Петровна

МИФОЛОГЕМА В ФУНКЦИИ ЗАТЕКСТОВОГО ИНТЕРПРЕТАНТА

Статья посвящена изучению особенностей функционирования затекстовых интерпретантов в художественном тексте. Автор обосновывает необходимость обращения к внешним интерпретантам, доказывает ценность подобных данных при выводе смысла текста. На основе проведенного анализа примеров из художественной литературы автором делается вывод о роли внешних интерпретантов, в частности, мифологем античного и библейского содержания, в обогащении семантики текста и его корректной и полной интерпретации читателем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 64-66. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

формой вызова» [1]. В пьесе Стоппарда подобными носителями выступают представители русской интеллигенции, умеющие мыслить и оперировать общечеловеческими ценностями в своем выборе. Традиционный цивилизаторский дискурс, господствующий в западном сознании, согласно которому Россия – это страна, в которой отсутствует демократия как таковая, преодолевается в тексте автора благодаря наличию знаковой роли «киных», способных противостоять системе.

Список литературы

1. Стоппард Т. В закрытом обществе главной провокацией является смелость: интервью [Электронный ресурс] // Новая газета. 2011. 25 сентября. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/48674.html> (дата обращения: 22.09.2013).
2. Стоппард Т. До-ре-ми-фа- соль-ля-си-ты-свободы-попроси // Иностранная литература. 2012. № 12. С. 137-163.
3. Stoppard T. Dogg's Hamlet, Cahoot's Macbeth. London: Faber and Faber, 1980. 79 p.
4. Stoppard T. Every Good Boy Deserves Favour [Электронный ресурс]. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. URL: <http://www.drama21c.kr/writers/stoppard/verygoodboy.htm> (дата обращения: 22.09.2013).
5. Stoppard T. Every Good Boy Deserves Favour and Professional foul: two plays. N. Y.: Grove Press, 1978. 124 p.

**DESTINY OF RUSSIAN INTELLECTUALS IN TOM STOPPARD'S
PLAY «EVERY GOOD BOY DESERVES FAVOUR»**

Vafina Alsu Khadieva, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
alsu_vafina@mail.ru

The article is devoted to the representations forms research of the author's attitude to civilizing discourse of the Russian history understanding in the West-European culture. The unfreedom theme analysis at the content level in inseparable unity with the paradox principle of Tom Stoppard's text discloses the inconsistency of the totalitarian system in his struggle against the introspect conscience of Russian intellectual.

Key words and phrases: post-modernism; absurd theater; Tom Stoppard; «dissident plays»; author; hero; narrator.

УДК 811'37

Филологические науки

Статья посвящена изучению особенностей функционирования затекстовых интерпретантов в художественном тексте. Автор обосновывает необходимость обращения к внешним интерпретантам, доказывает ценность подобных данных при выводе смысла текста. На основе проведенного анализа примеров из художественной литературы автором делается вывод о роли внешних интерпретантов, в частности, мифологем античного и библейского содержания, в обогащении семантики текста и его корректной и полной интерпретации читателем.

Ключевые слова и фразы: интерпретация текста; интерпретант; мифопоэтика; мифологема; намек (аллюзия); семантический признак.

Воскобойникова Людмила Петровна

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
vosklud@yandex.ru*

МИФОЛОГЕМА В ФУНКЦИИ ЗАТЕКСТОВОГО ИНТЕРПРЕТАНТА[©]

Для полного и адекватного истолкования смысла художественного текста требуется учитывать как внутренние, так и внешние интерпретанты. В качестве внутреннего интерпретанта выступает ближнее или дальнее лингвистическое окружение анализируемых семем текста. Между тем, знания только лингвистических факторов часто оказывается недостаточно, чтобы осмыслить произведение, поскольку система языка не является единственным «кодом», регулирующим текст. Релевантными для осмысления текста могут оказаться любые энциклопедические сведения в том случае, если такие затекстовые интерпретанты существенным образом дополняют внутритекстовую интерпретацию [3, с. 275].

К энциклопедическим знаниям читателя, его общему тезаурусу относится, без сомнения, знание мифопоэтики и мифологии как неотъемлемой части культурного достояния общества. Для европейцев такой неотъемлемой составляющей образованности является знание античных и библейских мифологических сюжетов хотя бы в самом общем виде. Подобные сюжеты, мифологемы выступают в функции затекстовых интерпретантов, если в тексте содержатся указания на необходимость их привлечения. Указаниями служат, в частности, эксплицитные или имплицитные аллюзии автора на определенную мифологему.

Для экспликации данного положения обратимся к одной из самых распространенных в литературе мифологем – мотиву лабиринта, который отсылает к мифу о критском лабиринте, построенном Дедалом. Аллюзия на эту мифологему («*dédale*») в романе Э. Сю «*Les Mystères de Paris*» («*Парижские тайны*») [5] позволяет читателю проинтерпретировать это произведение в контексте данного мифа.

Так, квартал Сите в романе «*Les Mystères de Paris*» представлен как темный страшный лабиринт, в котором орудует бандитская шайка. В романе семема «*Cité*» наделяется следующими семантическими признаками:

/темный/ в контексте внутренних интерпретантов: «*gues obscures*» / *темные улицы*, «*leur blafarde*» / *тусклый свет*, «*de noires, infectes allées*» / *темные, вонючие проходы*, «*des escaliers plus noirs, plus infects encore*» / *еще более темные, вонючие лестницы*, «*le sombre dédale des rues de la Cité*» / *темный лабиринт улочек Сите*;

/опасный/ в контексте: «*ce lugubre quartier*» / *этот зловещий квартал*, «*sert d'asile ou de rendez-vous aux malfaiteurs de Paris*» / *служит прибежищем и местом встреч парижских злоумышленников*, «*ce quartier de bandits*» / *этот бандитский квартал*, «*des êtres hideux et criminels*» / *уроды и бандиты*, «*les horreurs de la Cité*» / *ужасы Сите*, «*les marchands redoutaient les audacieux voleurs de ce quartier*» / *торговцы боялись дерзких местных воров*, «*terrible scélérat*» / *ужасный злодей*;

/пагубный/ в контексте: «*l'antre de l'ogresse, autre prison horrible*» / *притон Людоедки, еще более страшная тюрьма*, «*soumise au pouvoir de cette mégère*» / *отданная во власть этой ведьмы*, «*pouvoir infernal*» / *дьявольская власть*, «*êtres dégradés, méchants, infâmes*» / *опустившиеся, злобные, отвратительные люди*, «*air corrompu*» / *гнилой воздух*, «*la horde de bêtes sauvages ou féroces qui infectaient la Cité*» / *толпа диких, жестоких зверей, отравляющих Сите*;

/запутанный/ в контексте: «*dédale de rues obscures, étroites, tortueuses*» / *лабиринт темных, узких, извилистых улочек Сите*, «*des rues cavernueuses*» / *корявые улицы*;

/грязный/, /мерзкий/ в контексте: «*ce cloaque infect*» / *зловонная клоака*, «*les maisons, couleur de boue*» / *дома цвета грязи*, «*le guisseau d'eau noirâtre*» / *ручей грязной воды*, «*ses rue immondes*» / *эти омерзительные улицы*.

Сите представлен как криминальный район, в котором находят прибежище самые низшие слои общества: воры, убийцы, бродяги. Случайные прохожие, какое бы направление они ни выбрали, легко оказываются жертвами обитателей Сите и рискуют кошельком и жизнью.

Автор последовательно проводит параллель с критским лабиринтом: Сите – это такое же безвыходное ужасное место, в котором есть и свой «Минотавр». В контексте романа таким получеловеком-полузверем представлен Грамотей (Maître d'école), главарь местных бандитов. При описании его внешности автор всячески подчеркивает его сходство с диким злобным зверем, каковым по античной легенде являлся Минотавр. В семеме «*Maître d'école*» Грамотей в контексте романа актуализируются признаки:

/звериный/ в контексте: «*son front aplati comme celui d'un tigre*» / *лоб, сплюснутый, как у тигра*, «*la crinière du monstre*» / *грива чудовища*, «*sa tête, démesurément grosse*» / *его несоразмерно большая голова*, «*bête sauvage*» / *дикий зверь*;

/пугающий/: «*épouvantable*» / *жуткий*, «*trous difformes*» / *уродливые дыры*, «*ses yeux... étincelaient de férocité*» / *его глаза хищно блестели*, «*expression de férocité*» / *выражение жестокости*, «*masque affreux*» / *ужасная морда*.

Ассоциировав квартал Сите с лабиринтом Дедала, а Грамотея – с Минотавром, читатель начинает искать и другие соответствия между античным сюжетом и романом Э. Сю. В частности, главная героиня романа, Лилия-Мария, видится как жертва «Минотавра» и всего района-лабиринта в целом, что неоднократно подчеркивается лексическими средствами («*se perdre*» / *потеряться*, «*perdue*» / *потерянная*).

Герою-спасителем, победившим «минотавра» и спасшим его жертву из сетей лабиринта, выступает другой главный герой романа – благородный Родольф.

Таким образом, интерпретируя роман Э. Сю в контексте мифологемы «лабиринт», устанавливаем следующие семантические транспозиции:

лабиринт → «*Cité*» / *Сите*

Минотавр → «*Maître d'école*» / *Грамотей*

жертва Минотавра → «*Fleur-de-Marie*» / *Лилия-Мария*

спаситель Тесей → «*Rodolphe*» / *Родольф*.

По сути, читатель как бы накладывает известную ему канву мифа на литературное произведение, сопоставляет персонажей и прогнозирует развитие сюжета. Художественный текст прочитывается через мифологический код, что обогащает его семантику, и предстает как многослойное образование. Данное положение согласуется с известным тезисом Ю. М. Лотмана о множественности кодировок художественного текста [1, с. 65; 2, с. 78].

Э. Сю, однако, не воспроизводит весь античный сюжет в точности, а «обманывает» ожидания читателя, уже предвидящего счастливую развязку. Лилия-Мария, формально спасенная из лабиринта и зажившая с виду благополучной жизнью, внутренне так и не смогла окончательно выбраться из него. Героиня умирает от душевных терзаний.

Античный сюжет лабиринта использует в своем романе «*Les Misérables*» («*Отверженные*») [4] и В. Гюго, основоположник французского романтизма. Критскому лабиринту в произведении уподобляется система канализации Парижа (*les égouts*), в которую попадает Жан Вальжан.

В семеме «*égouts*» актуализируются семантические признаки:

/мрачный/ в контексте «*ce Paris de ténèbres*» / *этот мрачный Париж*, «*cette nuit*» / *эта ночь*, «*obscurité profonde*» / *глубокая темнота*, «*obscurité complète*» / *полная темнота*, «*nocturne*» / *ночной*, «*noirceur du lieu*» / *темнота места*, «*invisible*» / *невидимый*, «*ténébreusement*» / *мрачно*, «*une forêt de branches ténébreuses*» / *лес темных веток*;

/запутанный/: «се labyrinthe noir» / *этот темный лабиринт*, «le dédale souterrain de Paris» / *подземный лабиринт Парижа*, «inextricable» / *запутанный*, «infranchissable» / *непроходимый*, «se perdre» / *потеряться*, «un pêle-mêle» / *путаница*;

/опасный/: «disparaître» / *исчезнуть*, «redoutable» / *опасный*, «le péril» / *гибель*, «se danger» / *эта опасность*, «riège» / *западня*, «effrayant» / *ужасный*, «effroi» / *ужас*, «abîme» / *пропасть*;

/загадочный/: «un lieu mystérieux» / *таинственное место*, «casse-tête chinois» / *китайская головоломка*, «bizarre alphabet d'orient» / *дикий восточный алфавит*, «une énigme» / *загадка*.

Как и из мифологического лабиринта, из сточных канав Парижа очень сложно найти выход: «...dans cet inconnu, chaque pas qu'il risquait pouvait être le dernier. Trouverait-il une issue?» [Ibidem, p. 145] / *в этой неизвестности каждый шаг, который он осмеливался сделать, мог быть последним. Найдет ли он выход?*

Правда, указание на выход есть, и это опять намек на известный лабиринт, выйти из которого помогла нить Ариадны: «labyrinthe qui a pour fil sa pente» [Ibidem, p. 119] / *путеводной нитью лабиринта служит его спуск*.

Сам Париж представлен как живое существо путем актуализации признака /одушевленный/ в следующих семемах текста: «entrailles énormes de Paris» / *огромные внутренности Парижа*, «estomac» / *желудок*, «digérait» / *переваривал пищу*, «le vieux cloaque montrait ses gueules» / *старая клоака показывала свою пасть*, «le gosier de la ville» / *глотка города*, «bouche d'égout» / *рот канавы*, «une rangée de dents» / *ряд зубов*, «sang» / *кровь*, «le remords» / *угрызения совести*, «pris de colère» / *разгневанный*, «la ville s'indignait» / *город возмущалась*, «la respiration de la ville» / *дыхание города*, «mauvaise haleine» / *дурной запах изо рта*.

Подчеркиваются величина и мощь города путем актуализации признака /большой размер/: «construction immense» / *огромное строение*, «énormes» / *огромные*, «mer» / *море*, «océan» / *океан*. Автор, таким образом, обращается и к другому мифологическому сюжету в этом произведении: город описывается не просто как живое существо, а как библейское чудовище – рыба, проглотившая пророка Иону. В. Гюго дает эксплицитное указание на эту мифологему: «Comme le prophète, il était dans le ventre du monstre» [Ibidem, p. 146] / *Как пророк, он был в чреве чудовища*. Еще одной аллюзией служит сам заголовок книги второй из пятой части романа, где описывается история парижской канализации, – «L'intestin de Léviathan» / *Внутренности Левиафана*, чудовища, которого представляли в виде огромного морского змея или гигантской рыбы. В сознание читателя, знакомого с мифологией, сочетание этих двух сюжетов вселяет надежду на спасение главного героя.

Итак, можно сделать следующие заключения об особенностях функционирования и роли мифологем в интерпретации текста:

- Мифопоэтику можно рассматривать в качестве своеобразного кода, который помогает «расшифровать» текст, опираясь на данные автором «ключи», отсылающие к затекстовым интерпретантам, в частности, к известным античным или библейским сюжетам. Между мифом и художественным текстом устанавливаются интерсемиотические отношения, позволяющие переосмыслить ряд семем художественного произведения в контексте мифологического сюжета.

- Знание мифологии позволяет читателю точнее вывести смысл произведения, глубже понять авторский замысел. Включение автором указаний на мифологемы дает читателю возможность предугадать развитие сюжета. Мифологемы выполняют таким образом функцию антиципации. Автор может и отойти от сюжета известного мифа в своем произведении, «обманув» таким образом читательские ожидания. Такой прием, безусловно, оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Чему учатся люди: Статьи и заметки. М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 64-71.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. Семиотические исследования по теории искусства. 383 с.
3. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / перевод с франц., прим., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.
4. Hugo V. Les misérables // Œuvres complètes de Victor Hugo. Édition définitive selon les manuscrits originaux. P.: J. Hetzel et Cie; Maison Quantin, sans date. Tome VII. Cinquième partie. Jean Valjean. 213 p.
5. Sue E. Les Mystères de Paris / intr. par A. Lanoux, préface par F. Lacassin. P.: éd. Robert Laffont, 1989. 1367 p.

MYTHOLOGEM IN FUNCTION OF INTERPRETANT BACK-TEXT

Voskoboinikova Lyudmila Petrovna
Linguistics University of Nizhny Novgorod
vosklud@yandex.ru

The article is devoted to the back-text interpretants functioning features study in the literary text. The author substantiates the addressing necessity to the outer interpretants; shows the value of the similar data during the text meaning finding. On the base of the held examples analysis from the belles-lettres the author concludes about the role of the outer interpretants, in particular about the mythologemes of the antic and biblical content, for the text semantics improvement and its correct and full interpretation by the reader.

Key words and phrases: text interpretation; interpretant; mythopoetics; mythologeme; hint (allusion); semantic character.